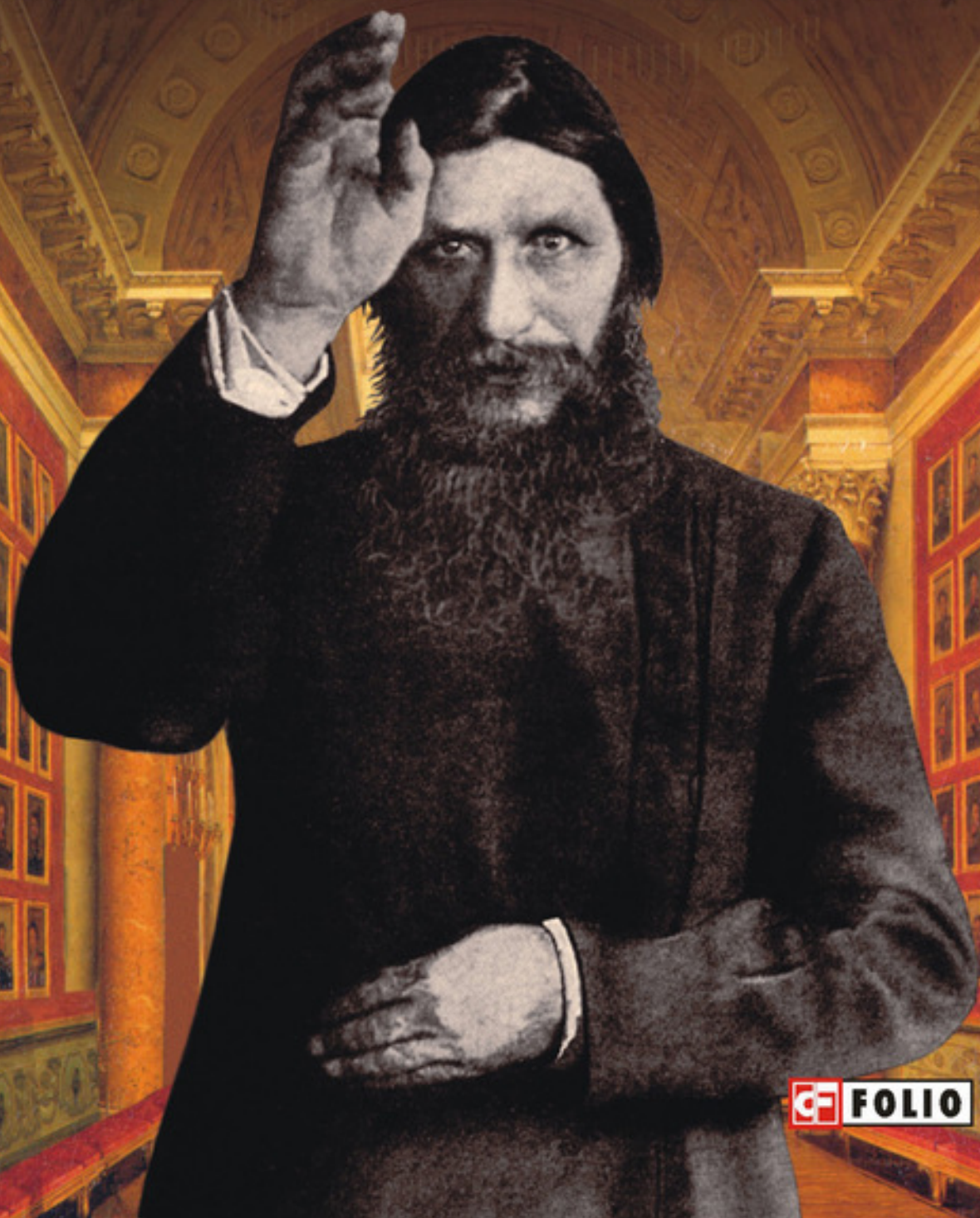

50

ЗНАМЕНИТЫХ
АВАНТЮРИСТОВ

CF FOLIO

100 знаменитых

Ирина Рудычева

50 знаменитых авантюристов

«ОМІКО»

2004

Рудычева И. А.

50 знаменитых авантюристов / И. А. Рудычева — «ОМКО»,
2004 — (100 знаменитых)

Американский философ и поэт XIX века Ральф Эмерсон метко подметил: «В медицине, как известно, нельзя обойтись без ядов, а в жизни – без мошенников». Зачастую это люди одаренные, неординарные, стремящиеся к рискованным предприятиям и совершающие беспринципные и противозаконные поступки ради достижения наживы и легкого успеха, положения в обществе или самоутверждения. Именно такими являются герои этой книги. На ее страницах вы найдете увлекательный рассказ о жизни легендарных авантюристов: обладателя «эликсира бессмертия» графа Сен-Жермена, непревзойденного искателя приключений и любимца женщин Джакомо Казаковы, загадочного мага Алессандро Калиостро, «короля риска» Франсуа Видока, тайного агента шевалье д'Эона, фальшивомонетчика высочайшего класса Чеслава Боярского, изобретательной воровки Соньки Золотой Ручки, сибирского «пророка и целителя» Григория Распутина, основателя религиозного лжеучения Рона Хаббарда, создателей финансовых «пирамид» Джона Лоу, Сергея Мавроди, Валентины Соловьевой, компьютерного мошенника Владимира Левина и многих других мастеров авантюры. К четыремстам «сравнительно честным способам отъема денег», известным Великому комбинатору Остапу Бендеру, они добавили много других, не менее изобретательных.

© Рудычева И. А., 2004

© ОМКО, 2004

Содержание

От авторов	5
ЛЕГЕНДЫ АВАНТЮРЫ	7
ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН	7
КАЗАНОВА ДЖОВАННИ ДЖАКОМО	14
ЛАТЮД ЖАН АНРИ МАЗЮР ДЕ	20
КАЛИОСТРО АЛЕССАНДРО	25
ЛА МОТТ ЖАННА ДЕ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

И. А. Рудычева, Яна Батий, Ольга Исаенко

50 знаменитых авантюристов

От авторов

Как метко подметил однажды американский философ и поэт XIX века Ральф Эмерсон: «В медицине, как известно, нельзя обойтись без ядов, а в жизни – без мошенников». Однако мошенничество – только одно из проявлений авантюризма. Наряду с ним существовало и существует множество других разновидностей авантюристов – политических интриганов, основателей лжеучений, искусных мистификаторов, да и просто искателей приключений и любителей острых ощущений, – словом, людей, стремящихся к рискованным предприятиям и совершающих беспринципные и противозаконные поступки не только ради наживы, но и для достижения легкого успеха, положения в обществе или самоутверждения.

Хотя, по мнению английского поэта XVIII века Самюэла Джонсона, «чтобы лгать и обманывать, выдающихся способностей не требуется», среди знаменитых авантюристов было немало людей несомненно одаренных, личностей неординарных, наделенных от природы многими талантами. Вот только их способности и энергия в силу жизненных обстоятельств или природных склонностей чаще всего служили целям недостойным, а подчас и губительным как для окружающих, так и для них самих. Именно такими и являются герои этой книги. Многие из них, имея неплохие задатки, в погоне за наживой или несбыточной мечтой растратили свои силы впустую, и, так и не добившись счастья, окончили свои дни в нищете и забвении. Другие – стали легендами авантюры и под этим сомнительным титулом все же вписали свои имена в историю. Такими вечными символами авантюризма, несомненно, являются обладатель «эликсира бессмертия» граф Сен-Жермен, непревзойденный искатель приключений и любимец женщин Джакомо Казанова, загадочный маг Алессандро Калиостро, «король риска» Франсуа Видок, тайный агент шевалье д'Эон, фальшивомонетчик высочайшего класса Чеслав Боярский, изобретательная воровка Сонька Золотая Ручка, сибирский «пророк и целитель» Григорий Распутин, основатель религиозного лжеучения Рон Хаббард и многие другие.

Авантюристы существовали во все времена. Но по общему признанию, наиболее отмечен ими XVIII век, ставший поистине классической эпохой великих талантов наглости и мистического обмана. Именно тогда появилась необходимая питательная среда для всякого рода «непризнанных гениев», ловких проходимцев и бретеров. Вот как писал о них в своей книге «Казанова» Стефан Цвейг: «Они говорят на всех языках, утверждают, что знакомы со всеми князьями и великими людьми, уверяют, что служили во всех армиях и учились во всех университетах. Их карманы набиты проектами, на языке – смелые обещания, они придумывают лотереи и особые налоги, союзы государств и фабрики, они предлагают женщин, ордена и кастратов; и хотя у них в кармане нет и десяти золотых, они шепчут каждому, что знают секрет *tincturae aurī* (приготовления золота)... Суеверных они подкупают составлением гороскопов, доверчивых – проектами, игроков – краплеными картами, наивных – светской эlegantностью, – и все это под шуршащими складками, непроницаемым покровом необычайности и тайны – неразгаданной и, благодаря этому, вдвойне интересной...»

В наши дни изменился разве что антураж авантюристов, да более совершенными и изощренными стали используемые ими методы. К тем четыремстам «сравнительно честным способам отъема денег», которые были известны Великому комбинатору Остапу Сулейману Берте Марии Бендеру, добавилось много новых. В их числе телефонные и компьютерные преступления, совершаемые хакерами для добычи и использования в своих корыстных целях чужой информации. Не менее искусными стали финансовые махинации, основанные на последних

достижениях научно-технического прогресса... и знании особенностей человеческой психологии. Благодаря этому создатели современных финансовых «пирамид» намного превзошли своего именитого предка – шотландского финансиста Джона Лоу. Поэтому, знакомясь с увлекательными биографиями знаменитых авантюристов прошлого, не стоит забывать о настоящем. Ведь, как писал поэт Игорь Губерман:

«Всегда вокруг родившейся идеи,
сулящей или прибыль, или власть,
немедленно клубятся прохиндеи,
стараясь потеснее к ней припасть».

ЛЕГЕНДЫ АВАНТЮРЫ

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН

(род. ок. 1710 г. – ум. ок. 1784 г.)

Авантюрист и алхимик. Величайший мастер мистификации, чье имя тесно связано с магическими возможностями достижения бессмертия.

Среди авантюристов, когда-либо ходивших по земле, нет и вряд ли появится имя, загадочнее имени графа Сен-Жермена. Недаром еще король Пруссии Фридрих II Великий любил повторять, что граф – это человек, которого никто не может разгадать. Таинственный, подернутый дымкой, ускользающий образ, созданный им самим и многочисленными рассказами современников и их потомков уже давно стал символом бессмертия и тайных знаний, недоступных непосвященным.

О многих авантюристах сложено немало легенд, но лишь Сен-Жермен сам стал легендой. Легенда эта, однако, сложена о вполне реальном человеке, жившем не так давно, в XVIII столетии. Известны письма, написанные им собственноручно, воспоминания современников, некоторые архивные данные. Однако эти сведения не дают ответа на большинство вопросов, связанных с именем Сен-Жермена.

Появление этой личности именно в этот исторический период вполне закономерно. «Восемнадцатый век не доверял ничему, кроме магии, поскольку смутные убеждения – это

религия душ, лишенных истинной веры», – так писал известный знаток истории магии и поклонник тайных, недоступных для непосвященных, знаний Элифас Леви. Ему нельзя отказать в проникательности.

Знаменитая эпоха Просвещения отринула религиозный экстаз Средневековья, но вслед за Возрождением с упоением продолжила занятия алхимией и оккультизмом. Несмотря на твердую веру людей той эпохи в решающую роль разума и науки в познании «естественного порядка», научное познание многими воспринималось своеобразно. Знаменитое Великое Делание (поиски «философского камня») алхимиков и попытки создания ими эликсира бессмертия продолжали занимать умы ученых и знати. Получение этих таинственных рецептов казалось вполне реальным. На веру принимались и слухи о том, что «философский камень» и вождеденный эликсир уже созданы и используются некоторыми посвященными в тайные науки.

В такой обстановке внимание людей не мог не привлечь человек, давший понять окружающим, что владеет секретом и того и другого. Но шарлатаны-алхимики, в том числе не разоблаченные при жизни, известны во множестве. Однако никто из них не обрел славы, равной славе человека, известного в Париже под именем графа Сен-Жермена.

Имя это, впрочем, считают вымышленным. Поговаривали, что граф приобрел в Тироле имение под таким названием и заплатил Папе Римскому за титул. Однако по его собственной версии, он, будучи еще младенцем, был отдан отцом на попечение последнего из Медичи, а когда вырос и узнал, что два его брата, сыновья княгини Гессен-Рейнсфельдской, получили имена святого Карла и святой Элизабет, то решил взять себе имя их брата, тоже святого, Сен-Жермена.

Носил наш герой и другие имена. Известно около двенадцати его псевдонимов: Аймар, маркиз де Монферрат, граф Феникс, граф Белламар, граф де Беллашаре, шевалье де Шеннинг, шевалье Велдон, граф Тародь, граф Салтыков и другие.

Однако настоящее имя знаменитого графа до сих пор не известно, как неизвестно его происхождение, место и даже год рождения. По данным «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия», он родился около 1710 года. Большинство же других справочных изданий по этому поводу хранят молчание.

О происхождении Сен-Жермена имеется множество предположений, но все они остаются малообоснованными догадками. Создательница теософии Елена Блаватская, не приводя, впрочем, никаких свидетельств, упоминает, что Сен-Жермен был сыном португальского короля или португальского еврея. Другие, подтверждая еврейские корни, называют его родиной Эльзас.

Сам граф в беседе со своим покровителем и горячим поклонником князем Карлом Гессен-Кассельским как-то упомянул, что приходится сыном князю Ракоци из Трансильвании, руководителю венгерского национального восстания против власти австрийских Габсбургов. Его он действительно несколько напоминал чертами лица. Известно также, что в Дрездене Сен-Жермен жил под именем Ракоци, а иногда использовал псевдоним Цароки, что представляет собой анаграмму родового имени.

Карл Александр, маркграф Бранденбургский, был убежден в том, что Сен-Жермен действительно был сыном Ференца II Ракоци. Известно, что 26 мая 1696 года у него от второй жены, княгини Гессен-Рейнсфельдской Карлы Амалии родился сын, Леопольд Георг, по-венгерски Липот Дьердь. Но документально подтверждено, что мальчик умер в младенчестве. Это, однако, не помешало многим утверждать, что трансильванский князь, чтобы оградить наследника от преследований со стороны Габсбургов, имитировал его смерть, а сына отдал на воспитание.

В то же время теософ Фрэнсис Адни утверждает, что Сен-Жермен является самим Ференцем Ракоци, который был известен своим увлечением философией и мистицизмом. Этому же мнения придерживается и русский религиозный философ Елена Рерих. Кроме того,

автор учения «Живая этика» (Агни-йога) считала Сен-Жермена-Ракоци Великим Учителем и воплощением великого древнекитайского мудреца Лао-цзы.

Все это представляет собой смесь слухов и домыслов, густо приправленных эзотерическим соусом. Посмотрим теперь, что же известно о жизни знаменитого графа. Тоже почти ничего, если убрать слухи, которым несть числа.

В 1750 году маршал Франции, герцог К. Ф. Бель-Иль в Германии познакомился с графом Сен-Жерменом, о котором до этого никто ничего не слышал, но который обладал прекрасными манерами, обширными знаниями и, судя по всему, имел несметные богатства. Маршал представил нового приятеля Людовику XV и маркизе Помпадур, которые очень заинтересовались странным незнакомцем.

На вечно одолеваемого скукой Людовика граф произвел неизгладимое впечатление, особенно тем, что на его глазах одним движением руки уничтожил трещину на бриллианте в кольце короля. Он поразил воображение Людовика и его фаворитки глубокими знаниями в области алхимии. Кроме того, граф оказался блестящим рассказчиком, повывавшим свет и знающим множество исторических анекдотов. Создавалось впечатление, что он был очевидцем излагаемых событий.

Нашлись у короля с Сен-Жерменом и общие интересы. По приказу Людовика для графа была создана лаборатория, где тот начал работы по созданию новых красок для французских тканей. Сен-Жермен преуспел в этом деле, и его красящие составы долгое время использовались французскими красильщиками.

Графа начали приглашать к королевскому двору, а вскоре кто-то из придворных вспомнил, что уже видел этого человека в разных городах Европы. Причем за долгое время он умудрился совсем не постареть. Придворные стали поговаривать, что он владеет эликсиром бессмертия.

А таинственный граф старался их не разочаровывать и на ходу творил легенду, быстро обрастающую новыми подробностями. К этому были привлечены даже слуги. Один из них на вопрос, правда ли, что графу на самом деле 400 лет, ответил, что не знает, но служит у него уже 30 лет, и за это время его сиятельство несколько не изменился.

Сен-Жермен вел тонкую игру. Он явно стремился скрыть свое прошлое и обходил естественно возникающие вопросы молчанием, но иногда будто бы невзначай проговаривался о том, что лично встречался с Сенекой, Платоном, Ашшурбанипалом и даже с Христом. А потом делал вид, что огорчен своей оплошностью. Многие обрели твердую уверенность в бессмертии графа, а маркиза Помпадур даже молила его поделиться с ней эликсиром, но получила отказ.

Легенда настолько утвердилась в сознании людей, что несколько позже, во время пребывания Сен-Жермена в Лондоне, солидная газета «Лондон кроникл» в номере от 3 июня 1760 года упоминала о том, что граф владеет секретом бессмертия, и с большим уважением отзывалась о его уме и обширнейших знаниях.

Правду о Сен-Жермене восстановить практически невозможно, хотя бы потому, что почти все связанные с ним документы погибли. Император Наполеон III приказал собрать их в архивах Франции и хранить вместе. Однако в данном случае благие намерения императора сослужили плохую службу историкам. Документы сгорели во время осады Парижа в ходе франко-прусской войны.

Ситуацию запутали похождения «двойника» Сен-Жермена, который появился в Париже в начале 60-х годов XVIII века. На самом деле во время Семилетней войны он был французским шпионом и, чтобы получить сведения о состоянии английской армии, выдавал себя за лорда Гоуэра. Подражая графу, мнимый Сен-Жермен небрежно замечал, что присутствовал на Вселенском Церковном Соборе в Никее, который состоялся в IV веке. Авантюрист был разоблачен, но отдельные факты его деятельности позже наверняка стали связывать с Сен-Жерменом.

К сожалению, вокруг имени графа по сей день не прекращаются попытки приписать ему совершенно невероятные действия и стремления. Как правило, их авторы основываются только на предположениях и даже не пытаются подтвердить их документально. Вот один из таких примеров. Не так давно на страницах Интернета появилась публикация, где выдвигается гипотеза о том, что Сен-Жермен был... украинцем и принадлежал к старинному казацкому роду Раковичей. Эта гипотеза основана только на созвучии фамилии с именем Ракоци и романтическом предположении о том, что Сен-Жермен в молодые годы воевал на стороне Мазепы, что заставило его покинуть Украину. Поскольку Мазепа после Полтавской битвы бежал по направлению к современной Молдове, то оттуда наш герой мог попасть в Трансильванию. Двинувшись дальше, он, опять-таки, лишь мог присвоить себе имя Ракоци. Боясь гнева царя, который наверняка никогда не слышал о Раковиче, казак якобы и дальше предпочел жить под псевдонимами, используя в своих целях пресловутое «золото Полуботка». А целью Раковича была месть русским царям за порабощенную Украину, поэтому он и посадил на российский трон Екатерину II, в результате чего пресекся род Романовых. И вся эта история не содержит ни малейших ссылок хотя бы на легенды, которых так много сложилось вокруг имени знаменитого авантюриста. По сути гипотеза не отражает ничего, кроме горячего желания видеть среди славных сынов Украины еще одно знаменитое имя, пусть даже сомнительного свойства. Реальные события были куда интереснее.

Очевидно, Сен-Жермен был действительно необыкновенным человеком, своим поведением далеко выходящим за рамки тривиального авантюризма. Во всех рассказах о нем нет ни малейшего намека на стремление воспользоваться плодами своих мистификаций, чтобы получить выгоду. Он действовал как художник – творил свой загадочный образ на глазах очарованных зрителей.

Сен-Жермен быстро прослыл искусным алхимиком и предсказателем, был превосходным музыкантом и художником. Говорят, что он предвидел судьбу династии Бурбонов и Французскую революцию.

Граф вел роскошный образ жизни, черпая средства из неизвестных источников. Все были убеждены, что он владеет секретом «философского камня» и добывает золото из ртути, а из мелких драгоценных камней делает крупные и небывалой красоты. Великолепную коллекцию драгоценных камней видели многие. Граф легко раздаривал их. С не меньшим удовольствием презентовал дамам кремы собственного изготовления, которые продлевали им молодость и сохраняли красоту.

Об одном из алхимических «подвигов» Сен-Жермена рассказывал некто шевалье де Зайнгалт, тоже занимавшийся алхимией. Граф встретил его в восточной одежде, окруженный батареей таинственных пузырьков. Получив от гостя монету в 12 су, хозяин положил ее на раскаленный уголь и начал манипулировать стеклодувной трубкой. Потом он остудил монету и отдал ее Зайнгалту. Пораженный шевалье увидел, что она золотая, а впоследствии подарил ее маршалу Киту.

Блестящий собеседник, граф мог разговаривать на любые темы. Драгоценные камни и золото на картинах, им нарисованных, сверкали как настоящие. А его игра на скрипке была так виртуозна, что ее по богатству звучания приравнивали к оркестру. А некий литовский барон, которому довелось слышать Паганини, воскликнул после концерта: «Это воскресший Сен-Жермен играл на скрипке в теле этого итальянского скелета!»

Ни у кого из видевших графа не возникало ни тени сомнения в том, что он действительно бывал на Востоке, где постигал тайны древней мудрости. Это подтверждалось знанием не только европейских, но и восточных языков, которыми он изредка щеголял перед знакомыми. Пишут, что помимо английского, французского, немецкого, итальянского, португальского, испанского языков, которыми граф владел в совершенстве, он был сведущ в латыни,

древнегреческом, санскрите. Знал также русский, китайский, персидский, арабский, некоторые наречия Индии, на которых умел изъясняться и писать.

Рассказы Сен-Жермена о дальних странах, как и рассказы о дворе Франциска I и Людовика XIV, поражали яркими красками и достоверными деталями. Слушавшие его как бы собственными глазами видели великолепный французский двор тех времен и слушали Короля-Солнце, интонации и манеры которого граф ловко имитировал. У слушателей создавалась полная иллюзия того, что их собеседник действительно видел все это.

На вопросы о своем возрасте граф никогда не давал прямого ответа. Отрицал, что может дать молодость старикам, но давал понять, что знает, как остановить старение. Нужна была диета и чудодейственный эликсир, секрет которого граф так никому и не раскрыл. Своим поведением Сен-Жермен подтверждал все это. Во время званных обедов ничего не ел, а дома употреблял только овсяную кашу, крупяные блюда и белое мясо цыплят. По большим праздникам выпивал немного вина.

Имеют место небезосновательные утверждения, что Сен-Жермен был тайным агентом ряда европейских держав. Родоначальник готического романа Хорас Уолпол уверял, что еще в 1743 году Сен-Жермен был арестован в Лондоне как агент сторонников опального герцога Йоркского, будущего короля Англии Якова II. А во Франции графа начали подозревать в связях с Пруссией (что, впрочем, доказано не было).

Сен-Жермен действительно был сторонником антиавстрийской партии, то есть отдавал предпочтение союзу Франции с Пруссией, а не с Австрией. Эту партию возглавлял его покровитель герцог Бель-Иль. Ему противостоял министр иностранных дел герцог де Шуазель, пользовавшийся большим влиянием при дворе. Сен-Жермен не мог не мешать ему. Ведь таинственный граф предсказал королю, что сокрушительные поражения, которые потерпел прусский король Фридрих II от русской армии, не станут причиной разгрома Пруссии, и оказался прав. После смерти Елизаветы Петровны ее наследник Петр III, преклонявшийся перед Фридрихом, поспешил заключить мир. Людовик и мадам Помпадур были в восторге от своей новой игрушки. Но Шуазель ждал своего часа и дождался его.

Известно, что Сен-Жермен все же был тайным агентом Людовика и осуществлял его личную дипломатию. В 1760 году по приказу короля он был направлен с секретным поручением в Гаагу, чтобы провести тайные переговоры с английским послом генералом Йорком. Видимо, имели место и другие поручения. Здесь графу довелось встретиться с другим авантюристом – Казановой, которому незадолго до того по приказу французского правительства удалось выведать всю информацию об английской эскадре. Казанова, который увидел в Сен-Жермене опасного конкурента, очернил соперника в глазах французского посла д'Афри. А последний, видимо, поспособствовал неудаче переговоров графа с английскими и прусскими представителями. Сам Сен-Жермен тоже вел себя не слитком осторожно. Он увлекся и, продолжая создавать вокруг себя ореол загадочности, прозрачными намеками дал понять окружающим суть своей миссии. А хуже всего было то, что граф позволил себе высказывания, в которых Людовик и его двор выглядели далеко не лучшим образом.

Некоторое время д'Афри, побаиваясь магических возможностей Сен-Жермена, молчал, но потом все же отправил своему начальнику Шуазелю подробное донесение о деятельности королевского посланника. Тот немедленно воспользовался ситуацией. На заседании министров в присутствии короля герцог зачитал эти документы, а д'Афри приказал вызвать Сен-Жермена и запретить ему вмешиваться в политику, пригрозив тюрьмой. Он также требовал выдачи графа голландскими властями. Однако кто-то из друзей предупредил его, и тот успел бежать в Англию.

В Туманном Альбионе, однако, Сен-Жермен долго не задержался. Власти не хотели портить из-за него отношения с французским министром иностранных дел. Пришлось перебраться в Германию.

Однако существуют факты, которые противоречат такому ходу событий. В своих мемуарах Казанова утверждает, что в Лондоне Сен-Жермен выполнял задание Шуазеля и что он встретил графа в Париже уже в 1761 году, где тот прогуливался в обществе графа д'Юфре. То есть «сбежавшего» агента в столице никто не преследовал. Более того, один из мемуаристов того времени, ссылаясь на д'Юфре, рассказал Шуазелю про присутствие Сен-Жермена в Париже. Ответ герцога изумил рассказчика. Министр сказал: «Я не удивляюсь этому, так как он провел ночь в моем кабинете».

В 1762 году граф неожиданно появился в Петербурге, что дало повод говорить о его участии в заговоре по возведению на трон Екатерины II. Именно он будто бы уговаривал Екатерину не проявлять жестокости к Петру III и не «растворять любодееяние убийством».

Известно, что граф был близким другом Орловых, с которыми познакомился еще в 1772 году в Ливорно. В ближайшем окружении Екатерины был некто «господин Оден», который принадлежал то ли к масонам, то ли к розенкрейцерам. Датский посланник в России А. Шумахер был убежден, что под этим именем скрывался Сен-Жермен.

Любопытно, что довольно много историков считают причастными к перевороту тайные организации эзотерического толка. Некоторые в этой связи называют тайным организатором заговора Сен-Жермена. Об этом в своей книге «История французской колонии в Москве» писал историк Ф. Тастевэн. А в наши дни историк Р. Белоусов утверждает: «Что касается роли Сен-Жермена в этой истории, то, повторяю, этому есть лишь косвенное свидетельство. Но фактом остается то, что граф был другом, доверенным лицом Орлова, помогал ему в Петербурге накануне переворота 1762 года и будто бы даже Орлов выплачивал «дорогому отцу» крупные суммы за предсказания будущих побед Екатерины II и за помощь в воцарении ее на российском престоле».

Таким образом, Сен-Жермен вдруг выступает перед нами в одной своей ипостаси – как участник тайных обществ, тамплиер, розенкрейцер либо масон. А если придерживаться точки зрения поклонников оккультных «наук», то не простым участником.

Причастность Сен-Жермена к модному в эпоху Просвещения масонству можно считать доказанной. В своих мемуарах Калиостро прямо называет его одним из основателей масонства, а также говорит о том, что граф посвятил его в орден тамплиеров. Этот орден, правда, по историческим данным, был уничтожен еще в 1312 году французским королем Филиппом IV Красивым и папой Климентом V. Однако и в наши дни существуют люди, которые называют себя тамплиерами. Они глубоко убеждены в том, что Сен-Жермен имел одно из высших посвящений ордена.

Другие шли еще дальше. В своем «Теософском словаре» Елена Блаватская писала: «Граф Сен-Жермен безусловно был величайшим восточным адептом, равного которому за последние столетия в Европе не было». Теософское общество уверяло, что он является одним из посвященных, членом «Небесной Матрейи». А современные оккультисты различных толков считают его Адептом, называют Посланцем Гималаев, Чоханом Седьмого луча, посланцем Светлых миров. Они также относят его к числу таинственных духовных руководителей человечества, посланцем школы Мистерий, выполняющим указы высших сил. Они искренне верят, что граф время от времени удалялся в сердце Гималаев, чтобы через некоторое время вновь появиться среди людей. Поводом для этого, видимо, послужили мемуары некоего Франца Греффера, опубликованные в Вене в 1845 году. В них автор заявляет, что Сен-Жермен будто бы сказал ему: «В конце (XVIII) столетия я исчезну из Европы и отправлюсь в Гималаи... Ровно через 85 лет люди опять увидят меня». Кроме того, авторству Сен-Жермена приписывается эзотерический труд «Тринософия», полный мистических символов и «сокровенных знаний», которые вряд ли кто-нибудь в состоянии понять.

В 1770–1774 годах граф вновь подвизался в Париже, потом перебрался в Германию. По некоторым данным, он жил в Касселе у ландграфа Карла Гессенского, правителя области Шлез-

виг (Ютландия) и своего близкого друга. Там он занимался алхимией. В 1795 (по другим данным в 1793) году во время проведения экспериментов с красителями заболел и, несмотря на обилие лекарств, которые готовил его личный аптекарь, умер. Карл в это время отсутствовал и очень сокрушался о своей потере.

Такова одна из версий. По другой, Сен-Жермен умер в Экернферде (Шлезвиг) 27 февраля 1784 года и 2 марта был похоронен, о чем имеются соответствующие записи в церковно-приходской книге.

Несмотря на это, теософы продолжают утверждать, что граф бессмертен. По их версии, в 1884 году он якобы прошел через так называемую «философскую смерть»¹ и что так до него уже делали Фрэнсис Бэкон и Ференц Ракоци, инсценировавшие свой уход в мир иной. При этом, кроме странного, на их взгляд, совпадения смерти с отсутствием Карла Гессенского, никаких доказательств «посвященные» в пользу своей точки зрения не приводят. Впрочем, один из современников графа писал, что ни на одной из могильных плит в Экернферде имени Сен-Жермена не значится, и прямо назвал его смерть мнимой.

Долгое время не утихали слухи о том, что Сен-Жермена уже после его смерти видели в различных местах, в том числе и люди, близко знавшие его. Мадам де Адемар писала о встрече с ним в Париже в 1789 году, а Франц Грефер – в 1790-м. В 1788 году французский посланник в Венеции встретился с графом на площади Сан-Марко и даже беседовал с ним. В 1785 году в Париже состоялась встреча франкмасонов. В сохранившемся списке его участников имя Сен-Жермена стоит наряду с именами Месмера и Лафатера.

Тридцать лет спустя в кулуарах Венского конгресса мадам Жанлис, увидев ничуть не изменившегося за это долгое время графа, бросилась к старому знакомому, но тот уклонился от встречи и тут же покинул Вену.

Еще более удивительная история приключилась с одним из отставных французских сановников, достигшим весьма преклонных лет. Гуляя по бульвару, он внезапно увидел совершенно не изменившегося за десятилетия Сен-Жермена. Старик не стал обнаруживать свое присутствие, а решил понаблюдать за странным человеком. Вскоре он узнал, где тот живет и что его имя – майор Фрезер. Заинтригованный француз нашел предлог для знакомства и три раза имел с майором довольно долгие беседы, во время которых тот рассказывал ему много такого, что могло быть известно только очевидцу, жившему много лет назад. Однако в третий раз старик осторожно обмолвился, что знал когда-то Сен-Жермена. Фрезер поспешил проститься, а на другой день его собеседник узнал, что тот спешно покинул Париж в неизвестном направлении. Полагают, что Сен-Жермен не узнал сильно постаревшего знакомого, а поняв, что тот может раскрыть его инкогнито, решил бежать.

Последний раз графа видели в декабре 1939 года, однако достоверность этого факта доказана быть не может. Ведь все, кто мог его знать лично, к тому времени уже умерли. Это, однако, не исключает того, что в один прекрасный день на страницах современных газет появится сообщение о встрече с воскресшим Сен-Жерменом, который, оправдывая один из своих псевдонимов, как птица Феникс время от времени восстает из пепла забвения. Так что в отношении нашего героя остаются и наверняка останутся актуальными слова, сказанные когда-то великим скептиком Фридрихом Великим: «Это человек, который не умирает».

¹ Автор известной книги «Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии» Мэнли П. Холл по поводу «философской смерти» пишет: «Когда приходило время для инициации человека в члены Ордена [розенкрейцеров] и время потрудиться во славу его, он “умирал” при непонятных обстоятельствах. На самом деле он менял дом, имя, и вместо него в могилу клался мешок камней или песка».

КАЗАНОВА ДЖОВАННИ ДЖАКОМО

(род. в 1725 г. – ум. в 1798 г.)

Венецианский авантюрист международного масштаба. Его имя стало нарицательным – синонимом любвеобильности, распущенности и плутовства. Современники же знали его еще и как человека крайне разносторонних талантов – алхимика, юриста, математика, музыканта, финансиста, историка. Автор всемирно известных мемуаров.

Джакомо Казанова относится к тем людям, которых знает весь мир. Он был знаменит при жизни, не забыли о нем и после смерти. О нем слагают песни, причем далеко за пределами его родины. О нем сочиняют стихи. Он герой фильмов и книг. Сам же о себе он писал: «Я, Джакомо Казанова, венецианец, по склонностям – ученый, по привычкам – независимый человек и настолько богат, что не нуждаюсь ни в чьей помощи. Путешествую я для удовольствия. В течение моей долгой страдальческой жизни я являюсь жертвой интриг со стороны негодяев». Каким же он был, этот интереснейший человек, собеседник коронованных особ, узник европейских тюрем и завсегдатай игорных и публичных домов?

Единственное, что досталось родственникам Казановы после его смерти, – рукопись, на титульном листе которой значилось: «Жак Казанова де Сейнгальт, венецианец. История моей жизни». Почему Жак? Да потому, что последние годы жизни Джакомо провел во Франции. А вот «шевалье де Сейнгальт» – это он выдумал. Чего только ни напридумывал Казанова за свою жизнь, но в этом титуле мало кто сомневался. Как-то в Германии его спросили, почему он носит фальшивое имя. Казанова с присущим ему остроумием возразил, что это не так: он

просто взял из алфавита, который не является чьей-то собственностью, восемь букв. Этого имени никто не носит и, соответственно, у него не оспаривает. А подлинно оно настолько, что он получил по нему пятьдесят тысяч гульденов у банкира Карли. Сам же Казанова в него верил так искренне, что даже подписывал им не только векселя и другие финансовые документы, но и свои книги. Хотя однажды и признался: «Я не родился дворянином – дворянства я добился сам».

Родилась будущая знаменитость 2 апреля 1725 года в Светлейшей Республике Венеция в семье дочери сапожника актрисы Дзанетты Фаруси и актера Гаэтано Казановы. Впрочем, есть основания полагать, что подлинным отцом мальчика был венецианский патриций Микеле Гримани. Вопрос о происхождении был для Джакомо всегда чрезвычайно болезненным.

В семье Казановы, как во всякой итальянской семье, было много детей. Джакомо был первенцем и имел трех братьев и сестру. Некоторые исследователи полагают, что один из братьев – Франческо – является незаконнорожденным сыном короля Англии Георга III. Он родился после того, как его мать стала любовницей принца Уэльского, когда играла в Лондоне в итальянской комедии.

Впоследствии Франческо Казанова стал известным художником-баталистом. Это ему Екатерина Великая заказала картину «Битва в Очакове», которая хранится в Эрмитаже. Еще один брат Джакомо тоже стал художником, учеником Менгса и директором Дрезденской академии художеств, а третий, Гаэтано, – священником и проповедником. Сестра Мария Магдалина была танцовщицей Дрезденского оперного театра.

Вернемся, однако, к нашему герою. С самых юных лет Джакомо проявил себя чрезвычайно одаренным ребенком. В воспоминаниях он пишет о том, что в двенадцать лет уже обучался в Падуанском университете, а в восемнадцать защитил диссертацию по праву. В Падуе он поначалу жил в пансионе у доктора Гоцци, который кроме знакомства с науками давал ему еще и уроки игры на скрипке. Вернувшись в родную Венецию, Казанова почему-то решает посвятить себя Богу и избирает стезю священника. Однако из церкви Сан-Самуэле, где он добился должности проповедника, ему пришлось уйти уже после второй проповеди. Причиной послужил пьяный обморок, случившийся с юным священником прямо на кафедре. Правда, этот случай не послужил ему уроком. Джакомо перебрался на остров Мурано в семинарию Сан-Киприано, откуда его через некоторое время со скандалом исключили за поведение, неподобающее духовному лицу. Он был отправлен на исправление в один из венецианских фортов на входе в Адриатику. Именно здесь будущий гениальный обольститель получил первую из своих «профессиональных» болезней, ведь внутри крепости он был совершенно свободен, чем и не преминул воспользоваться, и красавица-гречанка сделала ему такой незабываемый «подарок».

Расставшись с рясой священника, Казанова поступил на военную службу. На острове Корфу он становится адъютантом командующего флотом Джакомо да Рива. В 1746 году, вернувшись наконец в Венецию, Джакомо получает место рядового скрипача в театре Сан-Самуэль. Он играл на свадьбах, вечеринках и даже помогал знаменитому Антонио Вивальди в сочинении ораторий. И, конечно же, обольщал многих женщин.

Однажды темной ночью весной 1746 года Казанова встретил человека в красной мантии, который на его глазах уронил письмо. Джакомо поднял и вернул это письмо хозяину. Человеком в мантии оказался венецианский сенатор Маттео Джованни Брагадин. В знак благодарности он предложил подвезти Казанову на своей гондоле. В пути у сенатора случился удар. Казанова приказал остановить гондолу и разыскал врача. После оказания первой медицинской помощи Казанова доставил больного домой, куда немедленно прибежали двое друзей сенатора – венецианские патриции Марко Дандоло и Марко Барбаро. Оценив действия врача, Джакомо понял, что тот неправильно лечит пациента, и немедленно принялся за дело сам. Наутро сенатор чувствовал себя превосходно. Так произошло знакомство Казановы с его покровителем, который в знак признательности усыновил его.

Венецианские патриции тайно занимались каббалистикой и алхимией. Казанова признался им, что сам этим увлекается и что у него есть свой каббалистический метод, хотя он не совсем уверен в его надежности. Патриции взялись проверить и... метод подействовал. Брагадин, Барбаро и Дандоло задавали разные вопросы, а оракул давал им именно те ответы, которых они ожидали. Так патриции убедились, что молодой Казанова – великий чародей.

Трюк со своим каббалистическим методом Джакомо применит еще не раз, в особенности в Париже с мадам д'Юрфе, богатой маркизой, которая слепо верила в магические способности Казановы. Почтенная маркиза, страстно увлекавшаяся оккультными науками и даже устроившая у себя в доме алхимическую лабораторию, имела маленькую слабость: госпожа д'Юрфе хотела жить вечно. Казанова успешно сыграл на ее мечте, пообещав совершить магический обряд перерождения и воплотить дух маркизы в ее собственных потомках.

Оставив музыкальное поприще, Джакомо, пользуясь дружбой и покровительством Брагадина, поселился в его доме в качестве названного сына и стал на досуге заниматься магией и предсказаниями. Свой тогдашний образ жизни авантюрист охарактеризовал в нескольких словах: «Я был не беден, одарен приятной и внушительной внешностью, отчаянный игрок, расточитель, красобай и забияка, не трус, поклонник женского пола, ловкий устранитель соперников, веселый компаньон... Я наживал себе врагов на каждом шагу, но я умел постоять за себя и потому думал, что могу позволить себе все, что угодно».

Однако покровители Казановы сенатор Брагадин и его друзья Барбаро и Дандоло так не думали и посоветовали ему на время удалиться из Венеции. Патриции опасались, что государственная инквизиция может обвинить их друга в богохульстве и чернокнижии.

В 1750 году Джакомо отправился во Францию: «В Лионе я сделался вольным каменщиком. Два месяца спустя, в Париже, поднялся я на вторую ступень, а еще через несколько месяцев – на третью, иными словами, стал мастером. Эта ступень высшая. Все прочие титулы, какие даровались мне с течением времени, – всего лишь приятные выдумки и, хоть и имеют символический смысл, ничего к званию мастера не добавляют».

Затем Казанова колесит по Центральной Европе. Где он только ни побывал и чем только ни занимался. Особо следует отметить его литературную и театральную деятельность. Вначале он переводит с французского для итальянской труппы Дрезденского Королевского театра, а затем и сам пишет в соавторстве комедию, которую ставит в этом же театре. Потом пишет еще одну комедию – «Молюккеида», и ее тоже ставят. А вот третья из поставленных пьес, видимо, не имела успеха, поскольку на этом театральная деятельность Джакомо в Дрездене заканчивается.

Попутешествовав еще немного, Казанова вернулся в Венецию, где продолжил прежний образ жизни. Наконец инквизиция обращает на него внимание, и 26 июля 1755 года Джакомо был обвинен в масонстве, распущенном образе жизни, вольнодумстве и оккультизме и приговорен к пятилетнему содержанию под стражей во Дворце дождей. Но уже через 15 месяцев Казанова бежал из тюрьмы Пьомби, о чем впоследствии рассказал в «Истории моего бегства», написанной на французском языке и опубликованной в Праге в 1788 году. Бегство из считавшейся неприступной тюрьмы, да еще из камеры, запертой на множество замков, наделало в Европе много шума. Ход, прорубленный ровно в полночь на свинцовую крышу темницы, принес Казанове славу мага и авантюриста. А ведь беглец-то был не один – вместе с венецианцем бежал padre Балби, сидевший за распутный образ жизни. Запугав надзирателя, они объединили усилия, проделав лазы в потолках камер, и уже вдвоем продырявили крышу. Знакомый сюжет, не правда ли? Знал ли его А. Дюма, когда писал «Графа Монте-Кристо»?

Понятно, что оставаться в Венеции было небезопасно. И Казанова едет во Францию. Еще будучи совсем юным, он познакомился с графом Лионским, аббатом де Берни, тогда послом Франции в Венецианской республике. В 1757 году Берни назначают министром иностранных дел. И на столь высоком посту он не забывает о нашем герое. Вот как об этом вспоминает

сам Казанова: «Мсье де Берни принял меня как обычно, то есть не как министр, а как друг. Он поинтересовался, не соглашусь ли я выполнить несколько секретных поручений». Какой авантюрист не согласится стать шпионом? Наш согласился.

Первое свое задание Казанова описывает так: «В начале мая аббат де Берни известил меня письмом, что я должен поехать в Версаль для встречи с аббатом де Лавилем. Последний спросил, готов ли я посетить восемь или десять военных кораблей (французского флота. – *Прим. авт.*), стоящих на якоре в Дюнкерке, и достанет ли мне сообразительности сойтись с тамошними старшими офицерами настолько коротко, чтобы прислать ему подробный отчет об общей вооруженности кораблей, о числе матросов, о боеприпасах всякого рода, о порядке управления и полицейской службе. Я ответил, что готов попытаться».

Такому милому и общительному человеку, как Джакомо, ничего не стоило выполнить подобное задание. Вот что писал о Казанове один из современников: «Он был бы красив, когда бы не был уродлив: высок, сложен, как Гераклес, лицо смуглое... Он горд, ибо он ничто и не имеет ничего... Богатая фантазия и природная живость, опыт многочисленных путешествий, испробованных профессий, твердость духа и презрение к житейским благам делают его человеком редкостным, интереснейшим для знакомства, достойным уважения и преданной дружбы небольшого числа лиц, снискавших его расположение». Джакомо легко вошел в доверие к множеству молодых офицеров Дюнкерка и даже к самому командиру здешней эскадры мсье де Барею. Всем пришелся по душе молодой человек с военно-морским прошлым, и они охотно отвечали на все его вопросы. Удивительно, но при всей легкости исполнения задания Казанова проявил недюжинную выдержку профессионала. Будучи заядлым игроком, он ни разу не сел к столу, не позволил себе и легкой интрижки и даже ограничивал себя во сне, посвящая время записыванию всего увиденного.

По возвращении в Париж его ждали пятьсот луидоров и высокая оценка его работы военно-морским министром де Кермилем. Однако аббат Берни не сумел надолго удержать за собой министерский пост, в 1758 году его сместили. Больше Казанову к шпионской деятельности не привлекали.

Потеря такой «почетной» работы совсем не лишила Джакомо средств к существованию. Еще в 1757 году он провернул самую значительную и замечательную авантюру своей жизни. При этом еще и самую прибыльную. Столько денег он не зарабатывал даже игрой, хотя считал ее своей основной профессией. Это была организация государственной лотереи в Париже.

Тогда король Франции задумал открыть Высшую военную школу. Но на эту затею требовалось 20 миллионов ливров. При этом правительство не хотело обращаться к помощи государственной или королевской казны, а намеревалось получить необходимую сумму от народа. Но как заставить людей добровольно раскошелиться? И тут на сцену вышел Казанова, предложив королю организовать лотерею. Он убедительно доказывал, что народ с готовностью станет раскупать лотерейные билеты, так как в розыгрыше будут довольно крупные призы, а вырученные деньги наверняка принесут королю прибыль. К тому же лотерея, по замыслу мошенника, должна была проводиться под эгидой короны, а не от лица частных предпринимателей, что значительно укрепило бы доверие к ней со стороны обывателей и рассеяло любые сомнения относительно честности и порядочности устроителей. В конце концов предложение приняли, и Казанова был назначен официальным представителем короля, ответственным за проведение лотереи. Тут-то он и развернулся, возглавив шесть из семи отделений по продаже лотерейных билетов. Казанове было назначено вознаграждение в 4 тысячи ливров.

В течение двух месяцев авантюрист богател и жуировал. Он нанял хорошую квартиру, шикарно ее обставил, обзавелся каретой и окружил себя роскошью, подобающей собирателю королевских миллионов. Вскоре его знал в лицо весь Париж. Всюду – в театрах, в гостях, на балу – к нему подходили люди, соблазненные возможностью выиграть, совали в руки деньги и просили прислать билеты лотереи. Чем все это кончилось, история умалчивает.

Итак, Казанова живет в Париже. У него два роскошных особняка, один из которых – «Пти Полонь» (Маленькая Польша). Это очаровательный дом с прекрасным садом, конюшней и даже баней. Чтобы обзавестись постоянным доходом, венецианец организует фабрику по производству шелковой материи с изящными рисунками. Однако все надежды на прибыльность предприятия не оправдались. Ни налоговые скидки, ни покровительство одного из принцев не смогли спасти Казанову от банкротства. А всему виной была его любвеобильная и не менее щедрая натура. Милые девушки-красильщицы как только могли старались угодить хозяйину. И видимо, так в этом преуспели, что каждая получила от него в подарок по дому. А барышень было двадцать. Теперь можно понять, почему ни одна из многочисленных женщин Казановы никогда не предъявляла ему претензий. Фабрику пришлось продать, но это не спасло хозяина от ареста. Правда, заключение длилось всего два дня, после чего Джакомо освободил герцог Эльфег, заплатив залог.

Видимо с горя, Казанова решил прогуляться в Голландию, а затем и в Швейцарию. Ему захотелось навестить Вольтера, который жил недалеко от Лозанны. Пообщавшись с философом и энциклопедистом пять дней кряду, Джакомо понял, что пора возвращаться на родину.

Вернувшись, Казанова через каких-то очередных друзей познакомился с библиотекарем Ватикана кардиналом Пассионеи. Тот, в свою очередь, попросил у папы помилование для нового знакомого, и папа согласился.

Совсем недолго подышав воздухом Италии, Джакомо снова пускается в путь. Он мечется из страны в страну, из города в город. Его маршруты необъяснимы, недоброжелатели даже начинают поговаривать, что он служит инквизиции. В Берлине его представляют Фридриху II, и тот внезапно предлагает Казанове место преподавателя в кадетской школе. Однако сытая бюргерская жизнь быстро надоела нашему искателю приключений. И он пускается в очередную авантюру.

Так далеко на север Казанова еще не забирался. Россия покорила итальянца с первого взгляда. Она была ни на что не похожа, эта удивительная страна. Безусловно, европейская и в то же время совершенно иная. Шел 1764 год. Казанову интересовало все – «фабрики, церкви, памятники старины, собрания редкостей, библиотеки». Особое впечатление на южанина произвело крещение младенцев в ледяной воде и бешеная ревность купленной крепостной девки. В отличие от других коронованных особ, на Екатерину II Казанова ошеломляющего впечатления не произвел. И хотя она нашла его рассказы весьма занимательными, ко двору он не пришелся.

И снова дороги, дороги, дороги... Чем только ни занимался Джакомо до конца своей жизни! Продавал «рецепт вечной молодости» и «формулу философского камня», торговал красотой юных девушек: воспитывал их, давал образование и учил хорошим манерам, а затем за большие деньги «уступал» богатым аристократам. Но не только. Когда в революционной Франции настали дни якобинского террора, старый Казанова направил Робеспьеру гневное многостраничное письмо, где были такие слова: «Какое вы имеете право ломать жизни тысячам и тысячам людей ради “всеобщего счастья”? Надо оставить людям их убеждения, даже их предрассудки – об этом я спорил с Вольтером в 1760 году. Иначе вы делаете их несчастными».

Жизнь его протекала в бесконечных кутежах, романтических происшествиях и карточной игре. Казанова был настоящим сексуальным атлетом и неисправимым романтиком, для которого каждая встреча с женщиной являлась неповторимым праздником. В его мемуарах упоминаются имена 132 любовниц. А сколько их было не названо? Он считал, что семейная жизнь – это «могила для любви», и всегда предпочитал ей «невывразимую прелесть украденных наслаждений». Однако в конце концов наступило пресыщение, подкралось утомление. Все чаще в любовных делах, разного рода проделках и азартных играх Казанову стали подстерегать неудачи.

В 1763 году, находясь в Лондоне, 38-летний Казанова страстно влюбился в юную куртизанку Шарпийон, но встретил холодный и презрительный расчет, а не взаимность. И тогда, вспоминая он: «Я понял – молодость позади...»

После бурного романа с Шарпийон великий соблазнитель решил уйти на покой. В течение следующих тридцати лет в его жизни, вероятно, вообще не было женщин. Удовольствие Джакомо получал теперь лишь от еды, написания мемуаров и чтения. Он приступил к пространственным воспоминаниям о своем веке, однако они долго не печатались, ибо современные ему издательства, видимо, боялись откровений Казановы, а следующее поколение романтиков вообще не верило в его существование.

В конечном счете, Джакомо пришлось вернуться в Венецию, где он нашел себе работу в качестве полицейского осведомителя, но в 1782 году очередной скандал вынудил его покинуть Италию.

Три просторные комнаты старинного замка в живописном уголке Северной Чехии стали последним пристанищем авантюриста и писателя Джакомо Казановы. Однажды на пути из Вены в Берлин в 1785 году он встретил графа Вальдштейна, который предложил дряхлеющему старцу (Джакомо шел седьмой десяток) стать библиотекарем в его замке, где тот и провел последние тринадцать лет своей жизни. Здесь из-под пера знаменитого венецианца вышли «Мемуары» и пятитомный роман «Искамерон». Воспоминания Казановы, написанные по-французски, доведены лишь до 1774 года. Как автор он понимал, что люди любят читать о молодом, красивом и удачливом герое. Вот цитата из его письма того времени: «Я решился бросить мемуары... ибо, перевалив за рубеж пятидесяти лет, я смогу рассказывать только о печальном...»

Он вел оживленную переписку с многочисленными адресатами в разных городах Европы, со многими даже встречался, но, в конце концов, превратился в вечно недовольного, больного и брюзжащего старика, который доживал свои дни почти в полном одиночестве. 4 июня 1798 года Джованни Джакомо Казанова скончался. Имя же великого итальянского авантюриста живет и поныне. И как бы там ни было, свой след в истории он оставил...

ЛАТЮД ЖАН АНРИ МАЗЮР ДЕ

(род. в 1725 г. – ум. в 1805 г.)

Самый знаменитый узник Франции, за свои авантюры пробывший в заключении без суда 35 лет.

Еще в XVIII веке в центре Парижа находилась одна из самых страшных тюрем Франции – Бастилия. Этот символ абсолютизма представлял собой высокое мрачное здание, окруженное глубоким рвом и увенчанное восемью башнями, по пять этажей в каждой. В верхних этажах не было окон. Летом там было невыносимо жарко, а зимой – так же холодно. На остальных этажах окна были настолько малы, да еще закрыты толстыми решетками, что лучи света едва проникали в камеры, в основном одиночные. Лишь немногие заключенные имели привилегию жить в обществе себе подобных. Помимо камер наверху, были еще и темницы, простирившиеся под тюрьмой. Здесь заключенного ожидала постоянная сырость, спертый воздух никогда не проветриваемых камер, ворох полусгнившей соломы, заменяющий постель, кусок черствого хлеба да кружка вонючей воды. А напарниками его были крысы, черви и прочая мерзость, во множестве водившаяся в этих мрачных подземельях. Чего не доставало Бастилии, было в других тюрьмах. И через все это прошел Жан Анри Мазюр де Латюд, пробывший в заключении без всякого суда в общей сложности 35 лет.

После финансового кризиса 20-х годов XVIII века Франция только стала приходить в себя. Но поскольку это достигалось увеличением количества налогов и повинностей, сохранением феодализма и усилением абсолютной власти короля, то никак не способствовало благополучию страны. Смыслом жизни Людовика XV стали бесконечные развлечения: балы, охота, фаворитки... Тогда и возникло всевластие королевских фавориток, среди которых первенствовала маркиза де Помпадур. Она-то и стала причиной несчастий, обрушившихся на тогда еще совсем молодого Латюда, и, кстати, не его одного.

Жанне Антуанетте д'Этиоль, урожденной Пуассон, можно сказать, в жизни повезло. Еще в детстве ей нагадали, что она станет хозяйкой Версальского дворца, и она в это свято поверила. Дочь простого армейского интенданта была хороша собой, начитанна, умела играть на нескольких музыкальных инструментах и при этом была очень расчетлива. Замуж она вышла так, чтобы имя и деньги мужа дали ей возможность быть представленной ко двору. Вечно скусающий король быстро увлекся ею, но она, в отличие от других фавориток, прекрасно понимала, насколько переменчивы королевские пристрастия и сумела стать для Людовика XV незаменимой помощницей. Ее старания были оценены по достоинству: Жанна получила титул маркизы де Помпадур.

А Жан Анри Мазюр де Латюд был сыном драгунского подполковника. За время службы отец не нажил ни имения, ни состояния, хотя являлся кавалером ордена Св. Людовика. Жан Анри рано был предоставлен сам себе и мечтал о военной карьере. Окончив техническую школу в Париже, он поступил на службу в саперный полк и даже успел поучаствовать в войне с Голландией. Но в 1748 году война закончилась, а вместе с этим развеялись мечты о военной карьере: де Латюду, как и многим другим, не нашлось места в армии. Было ему тогда 23 года. Оставшись без средств к существованию, Жан Анри нанялся на работу к аптекарю. Смешивать лекарства – работа не слишком утомительная, но довольствоваться столь скучным занятием энергичный молодой человек не собирался. Однако он понимал – чтобы достойно устроиться в жизни, юноше из обедневших дворян мало иметь образование и быть исполнительным. Гораздо важнее найти серьезного покровителя. И тут судьба преподнесла ему в пода-

рок счастливую, как он тогда подумал, идею. Жан Анри услышал, как двое незнакомцев ругали маркизу де Помпадур. Мысль Латюда заработала в нужном направлении. Он придумал, как ему вознестись на вершину успеха и приобрести покровительство ни больше ни меньше как самой могущественной особы при короле. Насыпав в изящную коробочку абсолютно безвредный порошок, Латюд отправил его по почте на имя маркизы. В сопроводительном письме указывалось, что это подарок от химика, который в результате многолетнего труда изобрел средство, исцеляющее от многих болезней. Его можно использовать и как пудру, делающую кожу нежной и гладкой. При этом неизвестный просил назвать свое изобретение именем маркизы. После этого Латюд отправился в Версаль и попросил немедленно доложить о нем Помпадур, поскольку речь идет о ее жизни или смерти. Испуганная маркиза приняла его тотчас. Жан Анри выразил ей свое восхищение и предупредил о готовящемся покушении: мол, он подслушал разговор двух мужчин, которые решили убить маркизу и послали ей по почте яд. Помпадур отнеслась к его словам с вниманием, посадила молодого человека рядом с собой и предложила ему кошелек с золотом. Но не золото интересовало начинающего авантюриста. Он отказался от денег, сказав, что поступил как человек чести и готов служить маркизе бескорыстно. Она была тронута этими словами и предложила Латюду оставить ей свой адрес, чтобы в случае необходимости его можно было быстро найти.

Окрыленный, Жан Анри возвращался домой. Он ликовал: план удался, скоро для него все изменится. Если бы он только знал, насколько скоро! Вечером маркизе принесли пакет, в котором был порошок. Она тут же дала попробовать его служанке и домашним животным. С ними ничего не случилось. Но, взглянув на письмо неизвестного химика, Помпадур догадалась сличить его с адресом, оставленным Латюдом. Участь его тут же была решена. Маркизу Помпадур, самую влиятельную женщину Франции, хотели так нагло провести? Она была в бешенстве и тут же приказала «позаботиться» о наглеце. Ей не пришлось для этого обращаться за помощью к королю. Людовик XV имел обыкновение раздавать фавориткам уже готовые документы со своей подписью и печатью, и оставалось всего лишь вписать имя любого человека, чтобы избавиться от него быстро и без лишних хлопот. Люди, попавшие в тюрьму по такому приказу, не имели шансов на обычное судебное разбирательство и были обречены на полное бесправие. Несчастные узники оставались в тюрьмах до тех пор, пока это было угодно тому, кто их туда отправил. Освобождать их никто не собирался: несчастные просто исчезали, навсегда похороненные в разных тюрьмах.

Прошло два дня после аудиенции у маркизы. Латюд все еще предавался мечтам о тех милостях, которыми она его осыплет, как вдруг в комнату ворвались жандармы. Без всяких объяснений они схватили молодого человека и грубо затолкали в полицейскую карету с зашторенными окнами. Только когда, пронесшись по пустынным улицам Парижа, карета остановилась и за ней с грохотом закрылись тяжелые железные ворота, Латюда вывели на мощный двор. Он огляделся и с ужасом понял, куда попал – Бастилия...

Его обыскали, отобрали деньги, документы, одежду, переодели в тряпье. Он кричал, что это ошибка, что его должны немедленно отпустить, но стражники, издевательски насмехаясь, попросили Латюда расписаться в книге регистрации, а затем, грубо толкая в спину, бросили в камеру. На следующий день к нему явился тюремный чиновник Бернье, и только тогда узник узнал причину своего ареста. Латюд, ничего не скрывая, рассказал Бернье, как было дело, уверяя, что это была всего лишь ошибка молодости, глупость, и умолял его отпустить. Выслушав все, Бернье решил помочь Латюду, пообещав ходатайствовать о его освобождении. Но, оскорбленная поступком юноши, маркиза даже слушать ничего не захотела. Тогда, желая хоть как-то смягчить его положение, Бернье перевел его в камеру другого узника, Абузалло, которого подозревали в шпионаже в пользу Англии. Узники подружились и дали друг другу обещание: если кого-нибудь из них выпустят из тюрьмы, то он будет хлопотать об освобождении другого.

Об этом разговоре тут же стало известно коменданту Бастилии, и Латюда перевезли в Венсенн, уверив при этом, что отпускают его на свободу. Здесь, правда, стараниями Бернье, у Жана Анри были лучшие условия содержания. Ему даже была разрешена ежедневная прогулка в тюремном дворе. И тогда Латюд решился на побег. Он уже завоевал примерным поведением некоторое доверие стражников и зачастую сам спускался во двор, не дожидаясь, пока закроют его камеру. В Венсенне тогда находился в заключении аббат Сенсовер, который пользовался значительной, по сравнению с другими, свободой, так как обучал детей тюремщиков. Кроме того, его часто навещал отец, бывший комендант этой же тюрьмы. Это и решил использовать Латюд, пробыв в Венсенне уже 9 месяцев. Однажды, пока один стражник запирает его камеру, он быстро спустился во двор и спросил у другого стражника, где аббат, – мол, того разыскивает отец. Затем он подбежал к караульному с тем же вопросом, и так, «разыскивая» Сенсовера, оказался у ворот тюрьмы. Это было время посещения, и подъемный мост был опущен. Охранник у моста не остановил Латюда, приняв его за человека, возвращавшегося после свидания с кем-то из близких. Так, 25 июня 1750 года, пробыв в заключении 13 месяцев, Латюд обрел свободу.

Пьянящий воздух свободы, видимо, полностью затуманил мозги Жана Анри. Или у него, несмотря ни на что, еще сохранилась вера в справедливость королевского правосудия. Ничем другим нельзя объяснить то, что он сделал. Он мог скрыться и спокойно жить, но, решив, что полное признание избавит его от необходимости прятаться, Латюд уже на шестой день написал королю покаянное письмо с просьбой о помиловании, считая, что уже искупил свой поступок. В ту же ночь он вновь очутился в Бастилии, в темнице. Теперь это было полутемное подземелье, где он провел полтора года. И на сей раз утешителем ему стал Бернье, разрешивший давать узнику книги, бумагу и чернила. Прошло еще шесть месяцев. Положение Латюда не менялось, и как-то в порыве отчаяния он на полях одной из книг написал эпиграмму на маркизу де Помпадур:

Ну и дела во Франции прекрасной!
Здесь можно душой быть из дур
И все же править государством:
Пример – маркиза Помпадур!

Что за невезенье! Латюд не знал, что все книги после прочтения узниками просматривались надзирателями. Вскоре об эпиграмме знал комендант Бастилии, который, желая выслужиться, сделал так, чтобы о ней узнала маркиза, и последствия тут же сказались. Бернье она запретила даже упоминать о Латюде. Мало того, он еще получил и выговор за то, что защищал такого негодяя. А Латюду запретили пользоваться книгами и письменными принадлежностями. К тому же срок его пребывания в подземелье был продлен еще на год.

Между тем здоровье узника стало ухудшаться. Стараниями того же Бернье Латюда перевели из подземелья в другую камеру и «подселили» к нему заключенного, его ровесника Далегра, который также оказался личным врагом маркизы Помпадур. Он имел неосторожность отправить ей письмо с советом не обострять ненависть народа к себе. Друзья по несчастью еще несколько раз через Бернье передавали прошения о помиловании, но безуспешно. И тогда они решили бежать. Но как? Башню, в которой они находились, окружал ров с водой, за ним шла высокая стена и еще один ров, а кроме того металлические решетки, перекрывающие даже дымоходы, и круглосуточная охрана... Позже в своих мемуарах Латюд досконально описал их приготовления к побегу и сам побег. Из металлических петель складного стола узники смастерили небольшие ножи, из подсвечника – нечто вроде пилы, из разорванной одежды сплели две лестницы, ступеньки для которой они выстругивали из дров, которые им давали для отопления камеры. А как быть с толстыми стенами Бастилии, с массивными решетками на дымо-

ходе? Не зря же Латюд учился в технической школе! Он знал, что стены, сложенные из прочного известняка, хорошо крошатся под воздействием воды. Это обстоятельство узник и решил использовать для того, чтобы через дымоход выбраться из камеры на крышу. Набрав в рот воды, оба заключенных, обдирая руки в кровь, карабкались по узкому дымоходу к решеткам и размачивали отверстия, в которые были вставлены железные прутья. Работали они по ночам, чтобы стража их не обнаружила. За полгода упорного труда они сумели так расшатать решетку, что ее можно было свободно вынуть. В общей сложности на подготовку побега ушло почти два года. И вот наступила ночь 25 февраля 1755 года.

Погода благоприятствовала побегу. Шел дождь, заглушавший все звуки. Латюд и Далегр через дымоход выбрались на крышу и по веревочной лестнице спустились в ров, заполненный ледяной водой, но подняться на внешнюю стену они не смогли. Тогда Латюд придумал другой план. Всю ночь с помощью самодельных инструментов узники расшатывали и вынимали камни из стены метровой толщины, ныряя каждый раз в воду, когда раздавались шаги часовых. К утру проход в стене был сделан, и, с большим трудом преодолев следующий ров, заполненный жидкой грязью, беглецы вырвались из Бастилии на свободу.

Первое время друзья прятались в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре, а затем им помогли укрыться у портного Рюи, протестанта, где они находились почти месяц. Но оставаться во Франции было опасно, и беглецы решили перебраться в Германию. Первым, переодевшись нищим, отбыл Далегр. Добравшись до Брюсселя, он сообщил о своем благополучном прибытии Латюду и тут же совершил роковую ошибку, написав письмо, полное горечи и оскорбительных выражений... маркизе Помпадур. Когда Латюд прибыл в Брюссель, он узнал, что Далегр арестован и передан в руки французской полиции. Жан Анри тут же уехал в Амстердам, надеясь затеряться в этом большом городе. Но напрасно. Вскоре он был схвачен и также выдан. Так Латюд в третий раз очутился в Бастилии, в темнице, закованный в ножные и ручные кандалы. Там он провел 40 месяцев. Потеряв счет дням, узник решил уйти из жизни. Он перестал принимать пищу и ослаб настолько, что действительно был близок к смерти. Направленный к нему тюремный врач был потрясен видом узника и потребовал немедленно прекратить издевательство над ним. От постоянного насморка у Латюда растрескалась верхняя губа и обнажились испортившиеся зубы, он почти полностью облысел. Тюремщики начали его кормить насильно, а затем он все же был переведен в камеру в башне, где с него сняли кандалы и разрешили прогулки и чтение, но не позволили иметь письменные принадлежности. Но Латюд, решивший на сей раз обратиться к общественному мнению, нашел выход. Из мелкой монеты он выточил перо, из сажи сделал чернила, а бумагой послужили чистые листы из книг. Поначалу он еще надеялся получить свободу, оказав какую-нибудь услугу отечеству. Так Жан Анри начал составлять и отправлять королю различные проекты: вооружить унтер-офицеров ружьями, создать богадельни для вдов солдат и офицеров, погибших на войнах, увеличить пошлину на письма для улучшения финансового положения страны... Большинство проектов было принято, но Латюд оставался в тюрьме. И только когда он подал проект об образовании запасных хлебных магазинов, его тут же «заметил» начальник полиции Саргин, принимавший участие в спекуляции хлебом, и предложил ему деньги и даже свободу, если Латюд откажется от проекта. Но заключенный с гордостью отклонил его предложение и остался в тюрьме...

Понимая, что иначе на свободу не вырваться, Жан Анри решил передать рукопись о своих злоключениях на волю. Во время прогулок ему удалось привлечь внимание двух девушек в доме напротив тюрьмы, и им он перебрал пакет с рукописью. Через некоторое время девушки выставили в своем окне лист бумаги, где сообщалось о смерти 17 апреля 1764 года маркизы де Помпадур. Латюд уже предвкушал свободу, но ничего не изменилось. Мало того: комендант Бастилии сообщил, что по Парижу распространяется скандальный памфлет, и он уже получил указание по поводу автора этого послания. Тогда Латюд написал гневное письмо начальнику полиции и в результате вновь очутился в Венсенне. Знакомое место! И Жан Анри

вновь решился на побег. С криком «Держи вора!» он побежал к воротам, и пока стражники соображали, что к чему, сбив с ног часового, выбежал на улицу. Но, видно, его мало чему научили предыдущие побег, и он явился к королевскому министру герцогу Шуазелю. Латюда тут же арестовали и вновь отправили в Венсенн, на этот раз в подземелье. Затем по приказу другого министра, Малерба, Жана Анри под видом освобождения в 1775 году перевели в монастырь в Шарантоне, где содержались душевнобольные и те, кого власти таковыми считали. Здесь же находился и сошедший с ума Далегр. Только в 1777 году, после 28 лет заключения, Латюда выпустили на свободу, выдав даже официальный документ. Правда, жить ему разрешалось только в родном городе, с лишением всех прав и под надзором полиции. Жан Анри уже почти добрался до Парижа, но судьба была жестока и на сей раз – его вновь арестовали по обвинению в краже. На самом деле чиновники решили, что Латюду лучше оставаться в заключении. Теперь он очутился в тюрьме для уголовников в Бисетре. Содержание здесь было страшнее, чем в Бастилии. Через 38 месяцев, тяжело заболев, Жан Анри попал в тюремную больницу. Это оказалось похуже, чем пребывание в камере: заразные больные лежали в грязи вплотную друг к другу, иногда вперемежку с мертвыми. Но, как ни странно, здесь Латюд выжил и даже несколько окреп от мазей и настоев, которыми его пичкали. Правда, из лазарета он вышел на костылях.

В 1781 году Бисетр посетил очередной судья и, узнав о судьбе Латюда, пообещал помочь. Через слугу Жан Анри передал рукопись с описанием всего, что с ним произошло, но тот умудрился ее потерять. Однако именно это обстоятельство и спасло Латюда. Рукопись нашла мадам Легро, жена мелкого чиновника. Именно с ее помощью в Париже распространили исповедь заключенного, а затем началась кампания за его освобождение. В конце концов, 22 марта 1784 года – после 35 лет заключения – Латюд был освобожден и полностью реабилитирован. Через пять лет была разрушена Бастилия, пала монархия. Правительство назначило бывшему заключенному достойную пенсию. Латюд прожил еще 20 лет, написал захватывающие мемуары и умер в 1805 году в возрасте 80 лет.

КАЛИОСТРО АЛЕССАНДРО

Настоящее имя – Джузеппе Бальзамо (?)

(род. в 1743 г.? – ум. в 1795 г.?)

Беспокойный и блестящий XVIII век подарил человечеству множество незаурядных личностей, авантюристов, мистиков и философов. Одна из самых загадочных фигур того времени – граф Калиостро. Он заставлял пророчествовать детей и молодых женщин. Он предсказал Великую французскую революцию, падение Бастилии, казнь Людовика XVI и Марии Антуанетты. Он обладал незаурядным умом, огромной силой воли и мощным гипнотическим даром. Его эмблемой была змея, держащая во рту пронзенное стрелой яблоко, что символизировало обязанность мудреца держать свои знания в тайне. О своем титуле Калиостро говорил, что он принадлежит ему не по рождению, а по мистическому праву. Периодически граф утверждал, что был знаком с Александром Македонским, Нероном и Клеопатрой, являлся сподвижником пророков Моисея и Магомета. Он считал себя воплощением духа Цезаря, посланником пророков Илии и Еноха и даже приписывал себе божественное происхождение. Его жена уверяла, что графу на самом деле 4000 лет, сама она тоже далеко не молода, а свою красоту сохранила благодаря супругу, который избрал средство против старения.

До сих пор возникают сомнения относительно того, существовал ли такой человек в действительности или это некий собирательный образ. Тот, кто называл себя графом Алессандро Калиостро, был известен также под многими другими именами: граф Феникс, граф Тара, маркиз Пеллегрини, Фридрих Гвалдо, Ахарат, Великий Копт. Его часто отождествляют также с Джузеппе Бальзамо, но вряд ли кто сможет с уверенностью утверждать, что в этом случае речь не идет о двух разных людях (тем более, что сам граф это категорически отрицал).

Калиостро постоянно намекал на собственное необычайно высокое и таинственное происхождение и утверждал, что не имеет права открывать свое настоящее имя. Этот человек так стремился убедить современников и потомков в личной исключительности, напустил столько туману в собственной биографии, что постепенно превратился в легенду...

Кем он был? Алхимиком или ученым, магом или шарлатаном? Утверждать что-то определенное нельзя, по-видимому, и сейчас. Сам Калиостро говорил, что родился и вырос в Медине много столетий назад и впитал в себя «мудрость Востока», приобщившись к тайным знаниям высокого магического искусства.

Подобное заявление у любого современного человека вызовет лишь ироническую улыбку. Но здоровый скептицизм не способен прояснить вопрос о месте рождения знаменитого итальянца: историки утверждают, что граф увидел свет на Сицилии, в городе Палермо; однако более точно ничего сказать не могут, указывая то на респектабельный район недалеко от виа Рома, то на узкие и грязные переулки вокруг рыночной площади.

Не существует и абсолютно достоверных сведений относительно даты его рождения, хотя предполагают, что родился Калиостро 8 июня 1743 года в семье мелких лавочников.

Сицилия – уникальное место: здесь пересеклись многие древние культуры, все пронизано архаикой и мистикой. Неудивительно, что мальчик с раннего детства продемонстрировал живой ум, сообразительность и пылкое воображение. Учиться Джузеппе отправили в семинарию, но он быстро сбежал оттуда. Несколько позже его водворили в бенедиктинский монастырь городка Колтажироне. Здесь он стал помощником монаха-аптекаря и увлеченно изучал химию и биологию. Фармакология сослужила будущему графу хорошую службу: впоследствии он занимался не только магией, но и медициной.

Вскоре мальчишку уличили в некрасивой проделке и выгнали из монастыря. С этого времени раскрываются совсем иные его способности: составление фальшивых завещаний, подделка заемных писем и документов, торговля рецептами различных снадобий, а также инструкциями по обнаружению кладов. Отец Бальзамо умер вскоре после рождения сына, и семья постоянно находилась на грани нищеты. Но бабушка и мать Джузеппе пророчили мальчику великое будущее и графский титул. То же предсказала цыганка.

Несколько удачных афер принесли Бальзамо немалые деньги. Мошенник мгновенно исчез из Палермо и направился в Мессину, чтобы навестить родную тетку, но узнал, что она умерла. Тогда в память о родственнице Бальзамо решил взять себе ее фамилию. Ирония судьбы: согласно предсказаниям, он принял титул графа и стал именоваться Алессандро Калиостро. Это имя как нельзя более подходило человеку, увлеченному древними мистическими знаниями Востока и Африки: на юге Италии «кальостро» называют горячий ветер, дующий из этих областей.

Тогда же, вероятно, граф знакомится с чернокнижником Альтотасом, предсказавшим ему всю дальнейшую жизнь. Вдвоем они отправились на Восток. Там у дервишей и факиров Калиостро перенял чудеса древней магии, приемы профессионального фокусничества, овладел искусством массового гипноза, дополнил свои знания в области химии. Он начал собирать коллекции экзотических предметов, растений, камней, минералов, которые вскоре превратятся в лекарства и талисманы. На Востоке же сложился и чрезвычайно эффектный внешний облик графа: длинный шелковый либо бархатный наряд, украшенный иероглифами; тюрбан из золотой парчи с блестящими камнями; пояс, на котором крепился рыцарский меч с рукоятью в

форме креста; обилие перстней с бриллиантами невероятной величины. Говорил он на трех или четырех языках, но с иностранным акцентом.

В Египте под руководством Альтотаса юноша прошел сложный и опасный ритуал посвящения, состоявшийся глубокой ночью в подземных лабиринтах пирамиды Хеопса. Так Калиостро получил звание Великого Копта. Из Египта он вместе с Альтотасом отправился на Мальту, где был представлен гроссмейстеру Мальтийского ордена и познакомился с масонскими доктринами. Вернувшись в Италию, Калиостро женился на Лоренце Феличиани – девушке не только очень красивой, но и восприимчивой, внушаемой, что делало ее идеальным медиумом. Вместе с женой граф устраивал во дворцах знати сеансы магии.

Говорили, что он возвращал к жизни неизлечимо больных, превращал неблагоприятные металлы в золото, увеличивал в размере бриллианты, давал возможность желающим пообщаться с духами умерших родственников, возвращал молодость и продлевал жизнь пациента почти до бесконечности. Слава о чудесном маге распространялась со скоростью молнии.

В 1773 году граф появился в Неаполе, где был посвящен в высшие степени герметического масонства, учредил ложу египетского согласия и... провел две недели в тюрьме.

...В 1777 году великий маг, астролог и целитель прибыл в Лондон. Никто не знал, откуда он явился. Калиостро рассказывал, что встречался внутри египетских пирамид с мудрецами, которые скрываются там на протяжении тысячелетий. Эти великие бессмертные старцы якобы открыли ему секреты, оставленные посвященным самим Гермесом Трисмегистом, богом алхимии и тайного знания.

Во время пребывания в Лондоне Калиостро занимался изготовлением драгоценных камней и металлов и заранее угадывал выигрышные номера лотереи. Расположившись в пустующем особняке, он превратил одно из помещений в лабораторию. Лица, удостоенные чести побывать там, наблюдали, как граф, заглянув в книгу с каббалистическими знаками, бросался к кипящему сосуду, вытаскивал из него драгоценный камень и устало бросал его в чашу в виде черепа.

Что же касается выигрышных номеров, их он сообщал желающим за соответствующую плату. Когда же оказалось, что большая часть этих сведений – обман, мага начали преследовать. Он же утверждал, что его именем подло воспользовались. И действительно, большинство участников лотереи имели дело не с Калиостро, а с некоей дамой, обещавшей передать магу деньги и сообщавшей номера билетов. Многие «совершенно случайно» беседовали и с бедняками, которым Калиостро бескорыстно помог. Вот только в ходе следствия найти этих бедняков так и не удалось. В результате граф был обвинен в магии, колдовстве и мошенничестве. Тяжбы завершились за отсутствием доказательств в его пользу, но все же Калиостро не стал задерживаться в Англии.

В отделе особо редких книг российской Исторической библиотеки хранится фолиант, изданный еще при жизни графа. Он написан Шарлоттой фон дер Рекке, лично знакомой с Калиостро и утверждавшей, что все его способности и чудеса – хитрый обман. От нее мы знаем об обстоятельствах пребывания графа в Митаве. Поначалу маг занимался целительством, платы за чудеса не брал, а совсем бедных даже ссужал деньгами. Неудивительно, что в скором времени он был принят самим Бироном. Нежелание получать гонорары внушало окружающим расположение к графу, а поскольку высшее общество не желало оставаться в долгу, то преподносило поистине сказочные подарки. Кроме целительства, большой интерес вызывали сеансы, на которых в сосуде с водой можно было увидеть то, что происходило на больших расстояниях. (Фокус объясняется легко: здесь использовалось незаметное для зрителя приспособление, с помощью которого в графине возникали расплывчатые фигуры или буквы.) Успехом пользовались и проводимые Калиостро сеансы пророчеств «голубей» – красивых мальчиков и девочек, которых его жена Лоренца предварительно поила специальным эликсиром, вводящим организм в полусонное состояние. Калиостро возлагал руки детям на

головы, и они якобы обретали способность к ясновидению. Кроме того, граф продолжал заниматься «превращением» металлов в золото. Калиостро в Курляндии задерживаться не хотел, но для покорения северной столицы необходим был «пропуск» в высший свет, которого у него не было. Однажды родня упоминаемой уже Шарлотты прослышала, что их гость собирается в Петербург, и было бы весьма кстати, если бы представительница столь знатного и хорошо известного в России семейства сопровождала его в поездке. Принять это предложение Шарлотте настоятельно советовали даже ближайшие родственники. Но она выдвинула два условия: поездка могла состояться лишь по личному повелению императрицы, а сопровождать девушку должны были отец и сестры; ей самой должны были дать позволение посвятить жизнь магическим наукам. В результате Калиостро был вынужден ограничиться обществом Лоренцы.

Различные источники указывают разные сроки пребывания Алессандро и его жены в Петербурге: то ли девять месяцев 1779 года, то ли только лето. Калиостро выступает в России под новым именем – граф Феникс. Он убежден, что простой русский народ темен и простодушен, знать не знает счету золоту и обожает чужестранцев, а на троне сидит женщина любопытная и падкая на диковины. Граф рассчитывал очаровать императрицу и занять прочное место при российском дворе. Начал он с сеанса черной и белой магии, который произвел на присутствующих довольно сильное впечатление. Сеансы проходили в павильоне «Ротонда», в подвалах которого, по утверждению Калиостро, якобы хранились рукописи царя Соломона и саркофаг Гомера. Кстати, после того как один из служащих сенатора И. П. Елагина (о нем пойдет речь ниже) повредился рассудком от всей творящейся вокруг этого места мистики, подвал засыпали. (Во время недавних реставрационных работ его раскопали и обнаружили загадочные сосуды, предназначение которых неизвестно). Затем граф изгнал дьявола из одержимого Василия Желугина и занялся целительством. Поначалу денег с больных он не брал, а иногда сам помогал пациентам материально. Когда же его известность возросла, начал требовать за свои услуги непомерные гонорары.

Но если в Европе Калиостро имел репутацию полубога и благодетеля, то в Петербурге народ на него подозрительно косился. Россиянам был необходим какой-нибудь местный мужик на роль целителя. В Петербурге таким лекарем был Василий Ерофеич Воронов, врач Божьей милостью, вылечивший смертельно больного графа Орлова, а в 1769 году именным указом Екатерины II пожалованный в титулярные советники. Будучи неграмотным, этот самоучка лечил всех: и представителей двора, и мещан, и крестьян. Кроме Ерофеича, у Калиостро был и другой соперник – лейб-медик императрицы Джон Самуэл Роджерсон, который вызвал итальянца на поединок. Но хитрый граф предложил сразиться посредством ядов, а на такие условия Роджерсон не мог пойти.

Правда, Калиостро нашел в Петербурге и почитателей: одного из самых образованных людей того времени, сенатора, обер-гофмейстера И. П. Елагина, а также действительного тайного советника, знаменитого мецената и богача графа А. С. Строганова. Елагина граф заинтересовал возможностью «делать» золото. Но секретарь сенатора предложил ему прекратить «вздорную болтовню» и дал графу пощечину, да к тому же распустил слухи о шарлатане, всеерьез насторожившие публику. Вскоре Калиостро пообещал вылечить единственного 10-месячного сына приближенного императрицы, которого все доктора признали безнадежным. При этом граф поставил одно условие: ребенок будет находиться в его доме до полного выздоровления, а родители не должны с ним видеться. Спустя две недели к колыбели младенца на две минуты допустили отца. Родителям разрешено было забрать мальчика через месяц. Оставленный в доме Калиостро огромный гонорар был возвращен. Но мать ребенка все уверенней говорила о том, что это не ее сын. В ходе начавшегося дознания Калиостро заявил, что действительно подменил умершего ребенка, купив у крестьян за 2000 руб. другого. А на вопрос, что он сделал с трупом младенца, отвечал, что в ходе неудачного опыта возрождения сжег его...

Интересно, что у императрицы еще задолго до появления графа в Петербурге сложилось негативное мнение о нем. Обладавшая ясным и рациональным умом, Екатерина не могла симпатизировать человеку, утверждавшему, что сам не знает, когда он родился, и не одобряла его масонских пристрастий. В письмах к барону Гримму императрица называет графа шарлатаном. К тому же Калиостро допустил большую ошибку, воспользовавшись красотой своей супруги, чтобы втереться в доверие к Григорию Потемкину, фавориту Екатерины. Граф предложил князю увеличить втрое весь его золотой запас. Потемкин, увлеченный Лоренцей, из любопытства согласился. После манипуляций Калиостро золото взвесили и подвергли анализу. Его действительно стало в три раза больше, а граф получил в награду треть суммы.

Известие об увлечении фаворита итальянкой вызвало соответствующую реакцию Екатерины... Государыня, будучи женщиной решительной, быстро поставила светлейшего князя на место, а Калиостро повелела немедленно покинуть пределы Российской империи. Но и на этом оскорбленная императрица не успокоилась. Она выставила графа жуликом и бездельником в своих пьесах «Обманщик» и «Обольщенный», поставленных в Эрмитажном театре. Высший свет над комедиями очень смеялся, обращаться же за врачебной помощью вновь стал к Ерофеичу, который изобрел свой эликсир жизни, состоящий как минимум на сорок процентов из спирта. Придворные правильно поняли намек, и в графа полетели проклятия. Долше всех держался Строганов, который был искренне благодарен Калиостро «за спасение жизни наследника». Но с государыней не поспоришь, и он тоже принял сторону двора, что вскоре открылся факт подмены ребенка. Граф вынужден был бежать в Варшаву, а оттуда – в германские княжества.

Летом 1780 года Калиостро въехал в Страсбург. На городском мосту его поджидала громадная толпа больных. Никто не знал, что эмиссары мага заранее сколотили группу «неизлечимых», на которых Калиостро и должен был продемонстрировать свое могущество. Шарлатанство? Безусловно! Но... Чародей нередко устраивал сеансы массового исцеления, результаты которых невозможно списать только на действия его подручных. В том же Страсбурге во время посещения графом лечебницы действительно выздоровели около 200 больных. Как же объяснить то воздействие, которое оказывал на страждущую публику великий авантюрист?

Ученик и последователь выдающегося мистика XVIII века Сен-Жермена, Калиостро утверждал, что владеет «эликсиром бессмертия». В своей книге «Секрет возрождения» он действительно дает рецепт продления жизни, в котором очень много рационального. Но состав некоторых пилюль и капель так и остался тайной. Было ли это очередной мистификацией публики? Возможно. Вот только как объяснить то, что маг и его жена Лоренца оставались очень молодыми? В сорок лет граф выглядел двадцатилетним. У Лоренцы в ее тридцать семь не было ни одной морщинки... Прибыв в Париж, Калиостро поразил воображение жителей столицы тем, что устраивал ужины с «духами» Дидро, д'Аламбера, Вольтера, Монтескье, которые затем беседовали с гостями. Граф вел роскошную жизнь и устраивал грандиозные зрелища, объясняя происхождение баснословных сумм тем, что знает тайну «философского камня» и может превращать в золото любые металлы. А когда Людовик XV предложил ему «починить» крупный алмаз чистейшей воды, давший трещину, Калиостро через три дня вернул его королю целым. Инквизиция тотчас объявила графа слугой дьявола.

С 1780 года Калиостро подолгу жил в Лионе – негласной столице «тайных наук». Сюда к нему в погоне за «философским камнем» и «эликсиром бессмертия», а также за советом приезжали весьма влиятельные люди. Когда в 1785 году граф перебрался в Париж, он тут же стал самым модным иностранцем в столице. Калиостро обосновался в особняке на улице Сен-Клод, где в верхнем этаже была устроена лаборатория, а внизу проходили тайные собрания. Среди завсегдатаев графа был кардинал де Роган, желавший получить бессмертие. Он советовался с итальянцем по самым разным вопросам, и именно поэтому Калиостро стал чуть ли не главным

подозреваемым в одной из самых запутанных детективных загадок прошлого – знаменитом деле об ожерелье.

Еще в 1772 году Людовик XV решил подарить своей фаворитке мадам Дюбарри ожерелье, состоящее из 629 бриллиантов чистой воды. Украшение было изготовлено за два года. Но Людовик XV к этому времени умер, а Людовик XVI и Мария Антуанетта выкупать ожерелье не стали. Королева сочла украшение вульгарным, а ее супруг предпочел на те же деньги купить несколько военных кораблей. Ожерелье имело колоссальную стоимость – 2 млн ливров, так что в Европе на него не нашлось покупателя. А поскольку все камни для уникальной вещи были закуплены в кредит, ювелиры едва избежали банкротства. Через 11 лет они получили письмо от кардинала де Рогана, который сообщил, что Мария Антуанетта хочет выкупить бриллианты в рассрочку втайне от короля. Кардинал предоставил ювелирам гарантийное письмо, подписанное королевой, и лично забрал ожерелье. Не получив денег в срок, ювелиры решились напомнить государыне о долге. Та высказала гневное недоумение. Поручительное письмо оказалось подделкой, а ожерелье бесследно исчезло. Оказывается, кардинал был впутан в аферу графиней де Ла Мотт, сообщившей, что королева испытывает к нему тайное чувство. Де Роган действительно встречался в Версале с женщиной, похожей на Марию Антуанетту, и согласился выступить посредником в покупке ожерелья. Графиня де Ла Мотт оказалась очень близкой знакомой графа Калиостро... После того как ожерелье попало к графине, ее муж спешно отбыл в Лондон. Впоследствии там всплыли и некоторые камни из знаменитого украшения. Сама же графиня была арестована и на допросе объявила, что автором всей интриги был Калиостро. Впрочем, возможно, на него была возведена напраслина, а королева и кардинал были все-таки замешаны в этой афере.

Так или иначе, но 21 августа 1785 года графа арестовали и заточили в Бастилию. Вскоре состоялся суд. С помощью опытных адвокатов итальянец успешно выстроил защиту. Сильным его местом было алиби: передача ожерелья произошла 29 января 1785 года, а граф прибыл в Париж только на следующий день. Правда, обвинение доказывало, что он состоял в интенсивной переписке с де Роганом и мог бы управлять аферой на расстоянии. Да и в столицу он успел приехать за несколько часов до того, как граф де Ла Мотт отбыл в Лондон. Но разрушить построенной защиты обвинение не сумело. Калиостро был оправдан за недостатком улик и на некоторое время стал народным героем как жертва режима. Людовик XVI на следующий же день после суда прислал ему предписание в 24 часа покинуть Париж, а в течение двух недель и пределы королевства. Граф уехал, предварительно прокляв правящую чету и предсказав, что Бастилия вскоре падет. Не прошло и десяти лет, как Бастилия была сметена Французской революцией, а король и Мария Антуанетта казнены.

Калиостро вернулся в Италию в 1789 году, поскольку такая психологически напряженная жизнь утомляла даже этого необыкновенного человека. Все чаще жаловалась на усталость и Лоренца. Она мечтала вернуться в свой родной Рим, и супруг уступил ее просьбе. Поначалу граф занимался врачеванием и оккультными науками, но позже заскучал и предпринял попытку создать тайную масонскую ложу египетского обряда. В этом он не видел для себя большого риска, поскольку среди масонов числились очень многие князья церкви. Но Великая французская революция очень напугала духовенство, и священнослужители стали спешно покидать масонские ложи. Вскоре Папа Римский объявил масонов дьявольской сектой. По доносу Великий Копт и его супруга были схвачены как еретики и колдуны и заточены в замок Святого Ангела. Судебный процесс был долгим. Графа обвиняли одновременно и в магических упражнениях, и в масонской деятельности. Причем инквизиторы долго не могли решить, то ли считать Калиостро настоящим магом, связанным с нечистой силой, то ли лжемагом, то есть мошенником. В результате его обвинили и в том, и в другом. Говорили также, что большую помощь следствию оказала Лоренца, которая давала показания против мужа. Правда, ее саму предательство не спасло: она была приговорена к пожизненному заключению в монастыре, где

и умерла, пережив мужа всего на несколько дней. До сих пор ходят слухи, что ее призрак бродит по площади Испании и горько сожалеет о содеянном.

Приговор, вынесенный графу, заставлял вспомнить самое жуткое Средневековье: сожжение на костре. Калиостро воспринял решение суда с редким равнодушием, что впоследствии дало фантастам возможность предполагать, что это был не сам граф, а его искусно сделанный двойник. За час до казни Папа Римский заменил приговор пожизненным заключением. Существует легенда, что сразу после суда в Ватикан явился чужестранец, потребовавший личной аудиенции у папы. Вместо имени он передал понтифику через кардинала-секретаря некое слово. Гости немедленно приняли, но аудиенция длилась всего несколько минут. Едва чужестранец покинул дворец, папа отдал распоряжение отменить смертную казнь. 7 апреля 1791 года в церкви Санта-Мария состоялся ритуал покаяния, после которого Калиостро препроводили в замок Сан-Лео в горах Тосканы. Здание было построено на вершине огромной отвесной скалы, так что преступников приходилось доставлять в камеры в специальном ящике, при помощи веревок и блоков.

Калиостро провел здесь четыре года. И тут не обошлось без мистики: по свидетельствам очевидцев, он умудрился без каких-либо инструментов превратить ржавый гвоздь в прекрасный стальной стилет. После этого испуганные стражи заковали неутомимого мага в цепи. Сторожить такого заключенного было делом беспокойным. Тюремщикам приказали проявлять особую бдительность. Но четыре года, проведенные в тесном сыром каменном мешке, все же dokonали «бессмертного» графа. Великий маг и авантюрист умер 26 августа 1795 года и был погребен без отпевания и креста. Причина его смерти – еще одна загадка. Возможно, к летальному исходу привела пневмония. Но некоторые источники говорят о яде, подсыпанном тюремщиками. Не исключено и то, что заключенный был попросту задушен охранником по неизвестным истории причинам... За сутки до смерти граф раздал всем сторожам по рукописному экземпляру своего завещания и наказал, чтобы его похоронили в Палермо, в родовом склепе. Через день Калиостро нашли бездыханным, приготовили к похоронам и повезли в указанное место, но по прибытии ни склепа, ни кого-либо, знавшего об этом семействе, не обнаружили.

И последняя загадка. До сих пор никто не знает, где именно похоронен великий авантюрист. Нет абсолютно никаких доказательств того, что могила Калиостро находится в окрестностях Сан-Лео, на кладбище в Палермо или в другом месте. Так, может, граф только сделал вид, что скончался, а сам до сих пор скитается по нашей планете? Ведь слухи, что Калиостро жив и обитает сейчас где-то в Индии или на Тибете, удивительно упорны...

ЛА МОТТ ЖАННА ДЕ

Полное имя – Жанна Сен-Реми Валуа де Ла Мотт; она же графиня де Круа, графиня Гоше, Гаше, Гашетт, Гашер

(род. в 1756 г. – ум. в 1826 г.)

Знаменитая французская авантюристка, прославившаяся как участница одного из самых нашумевших мошенничеств XVIII века с похищением ожерелья французской королевы Марии Антуанетты, описанного в романе А. Дюма «Ожерелье королевы». Жанна де Ла Мотт явилась также прообразом еще одной литературной героини А. Дюма – Миледи (графини де Ла Фер, леди Винтер) из романа «Три мушкетера».

С именем Жанны де Ла Мотт связана одна из самых загадочных тайн-авантюр XVIII века. Похождения таинственной графини начались в Париже, а закончились в глухом крымском городке... История жизни отчаянной авантюристки будто нарочно придумана для увлекательного приключенческого романа. Не случайно о Жанне де Ла Мотт написано множество романов и мемуаров, снято немало фильмов. Так кто же она такая, эта загадочная француженка? Какие злодеяния совершила в Европе и почему оказалась в Крыму?

Точная дата рождения Жанны де Ла Мотт, урожденной де Луз де Сен-Реми, неизвестна. По-видимому, это произошло в 1756 году во Франции, в Бар-сюр-Об (правда, некоторые источники указывают на более поздние даты – 1768 год и 1772 год, что маловероятно). С ранних лет девочка была предоставлена самой себе. Есть свидетельства, что будущая героиня многих романов – жизненных и литературных – еще в детские годы овладела множеством способов отъема денег у простофиль всех происхождений. После смерти отца, Жака де Сен-Реми, семилетняя «бедная сиротка из дома Валуа» (так она сама себя именовала) жила милостыней. Сидя на парижской улочке с протянутой рукой, девочка вещала прохожим, что в ее жилах течет королевская кровь. Следует отметить, что Жанна действительно происходила от королевского рода Валуа по одному из внебрачных сыновей Генриха II, который царствовал с 1547 по 1559 год (ветвь этого древнего рода началась еще с Филиппа VI де Валуа, ставшего королем Франции в 1328 году).

Вероятно, так бы и осталась маленькая Жанна жалкой нищенкой, если бы в ее судьбу не вмешался Его Величество Случай. Однажды богатая маркиза Буленвилье, проезжавшая мимо в карете, заинтересовалась положением бедняжки. Еще бы, далекая правнучка Франциска I просит у прохожих подаяния! Маркиза проверила родословную девочки и отдала ее в пансион, а затем взяла к себе в дом на воспитание. Когда Жанна подросла, ею увлекся муж маркизы. Не желая «платить черной неблагодарностью своей благодетельнице», девушка покинула дом Буленвилье и поселилась в монастыре в Иерре, под Парижем, а потом в аббатстве Лоншан. Отведав тяжелый хлеб попрошайки и проведя какое-то время в доме богатых господ, Жанна усвоила простую истину, которую любила повторять: «Есть два способа выпрашивать милостыню: сидя на паперти церкви или разъезжая в карете». Разъезжать в карете ей, безусловно, нравилось больше. Но в полной мере способности авантюристки развились в Жанне, когда она вышла замуж за жандармского офицера графа Никола де Ла Мотта и, пытаясь угнаться за призраком ускользающего счастья, перекочевала жить в Париж. Было это в конце 1781 года.

С этого времени жизнь графини де Ла Мотт – это сплошные авантюры и приключения. Бросив не слишком удачливого мужа, Жанна познакомилась в столице со множеством интересных людей. Большая часть из них не могла остаться равнодушной к загадочной провинциалке, умевшей красиво подать свой ум и свое тело. Интересно, что вопрос о женской красоте Жанны до сих пор является среди историков довольно спорным. Некоторые из них полагают, что графиня де Ла Мотт была удивительно красива, но есть и такие, кто считает, будто она вовсе не отличалась внешней привлекательностью и красавицей «стала» лишь благодаря легендам. В качестве доказательств последние приводят свидетельства графа де Беньо, который, подробно описывая наружность знаменитой авантюристки, отмечал «прекрасные руки», «необыкновенно белый цвет лица», «выразительные голубые глаза», «чарующую улыбку» и в то же время «маленький рост», «большой рот», «несколько длинное лицо» и какой-то физический недостаток – какой именно, нелегко понять при вычурном слогое автора: «Природа, по странному своему капризу, создавая ее грудь, остановилась на половине дороги, и эта половина заставляла пожалеть о другой...».

Если о внешних достоинствах Жанны де Ла Мотт и сейчас существуют различные мнения, то в том, что она была дьявольски умна, хитра и проницательна, не сомневался никто и никогда. Видимо, именно эти качества характера помогли ей осуществить хитроумный план, в результате чего она стала обладательницей бриллиантового ожерелья стоимостью 1 миллион 600 тысяч ливров (что являлось поистине баснословной суммой!). В ловко расставленных сетях ее интриги оказались запутанными королева Франции Мария Антуанетта, кардинал де Роган и даже знаменитый маг – граф Калиостро (Джузеппе Бальзамо). Последнее наиболее удивительно, ведь это был тот самый маг и волшебник, который якобы мог читать мысли собеседников, любой металл обращать в золото, проходить сквозь стены и тюремные решетки, а также врачевать любые болезни. Пожалуй, легче перечислить то, чего не умел делать знаменитый итальянец! Так или иначе, он, так же как и остальные участники интриги, сыграл в ней свою роль. В декабре 1784 года ожерелье из 629 бриллиантов, изготовленное ювелирами Бемером и Боссанжем для королевы Марии Антуанетты (по другим источникам, для фаворитки Людовика XV мадам Дюбарри) и оставшееся не выкупленным по причине смерти заказчика, доставили для осмотра в дом № 13 по улице Нев-Сен-Жиль, где проживала предприимчивая графиня. План авантюристки был прост и сложен одновременно – убедить епископа Страсбурга кардинала де Рогана в том, что королева Мария Антуанетта хочет тайно приобрести это ожерелье и его посредничество при покупке будет благоприятно встречено королевской семьей.

Стремившийся восстановить свое положение при французском дворе, Роган колебался недолго. После прочтения писем, якобы написанных королевой (для всемогущего мистификатора Калиостро это было сущим пустяком), и тайного ночного свидания, когда кардинал встретился с одетой как королева проституткой, он согласился приобрести ожерелье у ювелиров, дав обязательство внести плату по частям. Мошенничество было разоблачено, когда настало время первого взноса. Денег у кардинала Рогана не было, и ювелиры обратились непосредственно к королеве, которая крайне удивилась, узнав о «своем тайном желании» приобрести драгоценность. А ожерелье тем временем бесследно исчезло. По некоторым сведениям, оно было разделено и продано по отдельным камням в Лондоне. Так это или нет, доподлинно неизвестно, и дальнейшая судьба бриллиантов окружена тайной.

Жанна де Ла Мотт была уверена, что королевский двор не решится пойти на скандал, в котором окажется замешанной сама королева. Но авантюристка недооценила ярости короля. По его личному распоряжению графиня была схвачена и осуждена. Приговор судейской коллегии из 64 судей, возглавляемых председателем д'Алигра, оказался суров к Жанне: сечь плетью, заклеить как воровку и отправить на пожизненное заключение в тюрьму Сальпетриер. Выполняя решение суда, в 1786 году на Гревской площади в центре Парижа графине де Ла Мотт раскаленным железом выжгли на плече позорное клеймо – бурбонскую лилию. Палач

должен был нанести на плечо всего одно клеймо, но графиня рванулась из его рук и лилия смазалась. Тогда, в нарушение всех существовавших законов, было решено клеймить преступницу еще раз, что и было сделано. Второй раз графиня де Ла Мотт даже не шелохнулась, она была без сознания...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.